

УБИЙСТВО ПАВЛА I: ЗНАЛИ ЛИ СЫНОВЬЯ, КАКАЯ УЧАСТЬ УГОТОВАНА ОТЦУ?

Почему нельзя доверять «протокольному» рассказу о событии

Принято считать, что записки о смерти императора, оставленные участником Отечественной войны 1812-го графом де Ланжероном, представляют собой почти протокольную запись рассказов действующих лиц антипавловского заговора: графа Петра Палена, графа фон Беннигсена и великого князя Константина Павловича, без чьего содействия переворот вряд ли бы удался. И ни одно современное исследование дворцового переворота 11–12 марта 1801-го не обходится без этих записок.

Кандидат исторических наук Михаил САФОНОВ впервые провел источниковедческое исследование записок графа и обнаружил, что они далеко не столь достоверны, как принято считать.

в 1895-м в парижском журнале *Revue Britanique*. Но еще до публикации записки были известны историкам. Так, им воспользовался Адольф Тьер

в своей «Истории консульства и империи», создавшей авторитетную печатную версию переворота 11 марта 1801-го. А когда близкий друг Александра I, Адам Чарторыйский, писал мемуары, он обронил такую фразу: «Записки Ланжерона о смерти императора заключают в себе истину, но чтобы получить полную истину, надо дополнить их сведениями, полученными от самого Александра»...

Тем не менее ни у кого из исследователей почему-то не вызвало подозрения то странное обстоятельство, что рассказ каждого из собеседников, который де Ланжерон записывал сразу же после откровенной беседы, начинается именно с того места, на котором остановился предыдущий рассказчик. Между тем это по большей мере ставит под сомнение аутентичность записок (действительно ли

они сделаны так, как утверждает автор?), по меньшей мере позволяет допустить литературную обработку услышанного. Не стоит забывать, что граф увлекался драматургией, писал пьесы, и это нашло отражение в разных пассажах его записок.

Уникальное признание Палена

— Запись рассказа Петра Палена уникальна: в ней он признается, что замысел заговора и убийства Павла I был задуман им давно и он лишь прикрывался разговорами об отстранении от престола и сохранении Павлу жизни.

Как написано у Ланжерона, император был безумен и вел страну к гибели, а совершивший задуманное Пален мог, лишь заручившись поддержкой Александра. Он то льстил ему, то пугал относительно «его собственной будущно-

сти, представляя на выбор или престол, или же темницу и даже смерть». В результате Палену «удалось пошатнуть его сыновнюю привязанность».

«Но я обязан, в интересах правды, сказать, — передает Ланжерон откровения графа, — что великий князь Александр не соглашался ни на что, не потребовав от меня предварительно клятвенного обещания, что не станут покушаться

на жизнь его отца; я дал ему слово: я не был настолько лишен смисла, чтобы внутренне взять на себя обязательство исполнить вещь невозможную; но надо было успокоить щепетильность моего будущего государя, и я обнадежил его намерения, хотя был убежден, что они не исполняются.. Я прекрасно знал, что надо завершить революцию или уже совсем не затевать ее и что если жизнь Павла не будет прекращена, то двери его темницы скоро откроются, произойдет страшнейшая реакция, и кровь невинных, как и кровь виновных, вскоре обагрит и столицу, и губернии».

В примечании Ланжерон прямо пишет, что Пален приказал Зубовым и Беннигсену совершить убийство.

Между тем ни в одном источнике нет такого откровенного признания Палена, столь цинично обнажившего свои подлинные замыслы. Как известно,

Неувязки

— Написанные на французском языке, записки и поныне хранятся в архиве Франции. Впервые появились в печати

Лестница, ведущая к комнате Павла

Александр I

после отставки в 1801-м он четверть века прожил в своем курляндском имении и откровенно рассказывал всем гостям подробности подготовки и осуществления замысла. Причем не раскаивался и до последних дней заявлял, что совершил «величайший подвиг освобождения от тирана».

Драматические эффекты или правда?

— Любопытны нестыковки в рассказе Палена, когда речь шла о том, что заговор оказался на волоске. Приведу этот кусок текста максимально полно.

«7-го марта я [Пален] вошел в кабинет Павла в семь часов утра, чтобы подать ему, по обыкновению, рапорт о со-

стоянии столицы. Я застаю его озабоченным, серьезным; он запирает дверь, и молча смотрит на меня в упор минуты с две, и говорит наконец: „Г. фон-Пален! Вы были здесь в 1762 году“.

— „Да, ваше величество“.

— „Вы участвовали в заговоре, лишившем моего отца престола и жизни?“

— „Я был свидетелем переворота, а не действующим лицом. Я был очень молод, служил в низших офицерских чинах в Конном полку. Я ехал на лошади со своим полком, ничего не подозревая, что происходит. Но почему, ваше величество, задаете вы мне подобный вопрос?“

— „Потому что хотят повторить 1762 год“.

Я затрепетал при этих словах, но тотчас же оправился и отвечал: „Да, ваше величество, хотят! Я это знаю и участвую в заговоре“.

— „Вы это знаете и участвуете в заговоре?“

— „Сущая правда, ваше величество, я должен сделать вид, что участвую, ввиду моей должности. Ибо как мог бы я узнать, что намерены они делать, если не притворюсь, что хочу сподействовать их замыслам? Но не беспокойтесь, вам нечего бояться: я держу в руках все нити заговора и скоро вам станет все известно. Не старайтесь проводить сравнений между вашими опасностями и теми, что угрожали вашему отцу. Он был иностранец, а вы рус-

Петр Пален

ский; он ненавидел русских, презирал их и удалял от себя; а вы любите их, уважаете и пользуетесь их любовью; он не был коронован, а вы коронованы; он раздражил и даже ожесточил против себя гвардию, а вам она предана. Он преследовал духовенство, а вы почитаете его; в его время не было никакой полиции в Петербурге, а нынче она так усовершенствована, что не делается ни шага, не говорит ни слова помимо моего ведома: каковы бы ни были намерения императрицы, она не обладает ни гениальностью, ни умом вашей матери; у нее двадцатилетние дети, а в 1762 году вам было только 7 лет“.

„Все это правда, — отвечал он, — но, конечно, не надо дремать“.

На этом наш разговор и остановился, я тотчас же написал про него великому князю [Александру], убеждая его завтра же нанести задуманный удар: он заставил меня отсрочить его до 11-го, дня, когда дежурным будет 3-й батальон

Семеновского полка, в котором он был уверен еще более, чем в других остальных. Я согласился на это с трудом и был не без тревоги в следующие два дня“.

Если верить записи, 7 марта Павел узнает о заговоре от шефа тайной полиции (Пален занимал эту должность) и четыре дня не предпринимает ничего, чтобы получить достоверные сведения об этом... Представить такое невозможно.

Тут два варианта. Либо такого разговора вообще не было — не исключено, что де Ланжерон, баловавшийся написанием пьес и стихов, не удержался от усиления драматического эффекта и придумал его. Либо такой разговор состоялся, но не 7 марта. Характерно, что исследователи переворота, интуитивно чувствуя, что здесь что-то не так, совершенно произвольно изменили дату разговора с 7 марта на 9-е, сокращая срок «осведомленности» Павла до двух дней. Однако даже «кукороченная» дата, 9 марта, вызвала некоторые сомнения у принимавших ее за истинную.

Задумал из анонимки?

— Фрагмент записок Ланжерона, якобы содержащий почти протокольную запись рассказа графа Леонтия Беннигсена об убийстве Павла I, легко может быть определен как литературная мистификация. Для этого достаточно сопоставить эту запись с опубликованными при жизни мемуариста источниками, которыми он ловко воспользовался. Настолько ловко, что никто из исследо-

вателей не заподозрил подвоха и не понял, что имеет дело с позднейшей литературной обработкой ранее обнародованных текстов. Прежде всего бросается в глаза, что Ланжерон обильно пользовался мемуарами Беннигсена (подробнее об этом — в материале «Погоня за 17-м пакетом», «Мифы и факты», №6, 2024. — Е. С.), опубликованными в Швейцарии без имени автора немецким издателем Генрихом Цшокке.

Очевидно, что де Ланжерон творчески перерабатывал текст публикации мемуаров Беннигсена, пересказывая своими словами заимствованные фрагменты и помещая в качестве примечаний отрывки из них так, чтобы читатель не догадался, что у него перед глазами уже опубликованный анонимно текст, разбитый на куски.

Это видно и в рассказе о последнем ужине заговорщиков, где де Ланжерон, якобы со слов Беннигсена, перечисляет присутствовавших там лиц, используя упоминание в публикации Цшокке о тех, кто находился в спальне Павла в момент его убийства.

Повествуя о том, как заговорщики смогли проникнуть в опочивальню царя, де Ланжерон почти буквально воспроизвел в примечании об Александре Аргамакове текст мемуаров Беннигсена: «Мы дошли до дверей прихожей императора, и один из нас велел отворить ее под предлогом, что имеет что-то доложить императору». К этому месту Ланжерон сделал то самое примечание: «Это был некто Аргамаков, адъютант Преображенского полка, он являлся каждое утро в 6 часов подавать императору рапорт по полку. Он стучится в дверь, запертую на ключ. Камердинер встает и спрашивает его, кто он такой и что ему нужно. Аргамаков называет

Константин

Ночная рубашка Павла I и гвардейский шарф (аналогичный орудию убийства)

себя, прибавив: „Можно ли спрашивать, что мне нужно? Я прихожу каждое утро подавать рапорт императору. Уже 6 часов! Отпирайте скорее!“ – „Как – 6 часов? – возразил камердинер. – Нет еще и 12-ти; мы только что улеглись спать“. „Вы ошибаетесь, – сказал Аргамаков. – Ваши часы, вероятно, остановились: теперь более 6-ти часов. Из-за вас меня посадят под арест, если я опоздаю, отпирайте скорее“. Обманутый камердинер отпер, и заговорщики вошли толпой».

Дальше продолжается рассказ якобы от имени Беннигсена: «Когда камердинер и гайдуки императора увидели нас входящими толпой, они не могли усомниться в нашем замысле: камердинер спрятался, но один из гайдуков, хотя и обезоруженный, бросился на нас; один из сопровождавших меня свалил его ударом сабли и опасно ранил в голову».

И таких заимствованных у Цшокке моментов множество. И описание покоев Павла, и рассуждение, как Павел мог бы спастись, и монолог Беннигсена перед обнаруженным им за ширмами Павлом, и ответ Платона Зубова на вопрос императора

ра, что он сделал заговорщикам, и рассказ, как отставшие заговорщики вошли толпой в спальню Павла и внесли сумятицу в происходившее там...

Константин не причастен?

– Что же касается описания убийства Павла, то Ланжерон, отталкиваясь от текста Цшокке, сконструировал сцену расправы над царем таким образом, чтобы подчеркнуть непричастность великого князя Константина к заговору.

Он прочел в публикации Цшокке, что, услышав посторонний шум, Платон Зубов бросился в апартаменты Александра, находившиеся под покоями его отца, и застал там его и Константина вместе с женами.

Константин узнал о заговоре только вечером 11 марта: «Хотя он не любил императора, опасались некоторой

неосторожности с его стороны». Этот пассаж Ланжерон преобразовал в примечание к записи рассказа цесаревича. «Император Александр не захотел открыть своему брату тайну замышляемого заговора, он страшился его нескромности и, быть может, его честности и прямоты. Пален внушил ему также опасение, что если великий князь узнает о проекте свергнуть с престола его отца, он может открыть всю правду отцу в надежде погубить старшего брата и самому занять место. Без сомнения, Константин был далек от подобного расчета, но очень вероятно, что он оказал бы долгое и, быть может, действительное сопротивление решениям брата. Пален и об этом подумал; ничто не ускользнуло от него».

Чтобы развить тезис о непричастности Константина, Ланжерон сочинил от его имени рассказ, что он спал,

«как спят в 20 лет», не догадываясь ни о чем.

Очевидно, описывая сцену убийства Павла и интерпретируя тезис о невиновности цесаревича, Ланжерон, помимо публикации Цшокке, пользовался и другими печатными источниками, которые тщательно штудировал.

Ряд сведений он почерпнул из анонимной французской публикации, изданной в Париже в 1806-м *Notice sur la mort de Paul Ier, Empereur de Russie*. В частности, в Notice содержится упоминание, что последними словами Павла перед смертью были *Constantin, Constantin...*

Описывая расправу над Павлом в примечании к якобы записи рассказа Беннигсена, Ланжерон пополнил текст публикации Цшокке сведениями, почертнутыми в *Notice*. «Убийцы бросились на Павла, и он защищался слабо: он просил пощады, умолял, чтобы ему дали время прочесть молитвы [...] Убийцы не имели ни веревки, ни полотенца, чтобы задушить его; говорят, Скарятин дал свой шарф и через него погиб Павел. Не знают, кому приписать позорную честь быть виновником его жестокой кончины; все заговорщики участвовали в ней, но, по-видимому, князю Яшвилю и Татаринову принадлежит главная ответственность в этом страшном злодействе. Оказывается, что Николай Зубов, нечто вроде мясника, жестокий и разгоряченный вином, которым упился, ударил его кулаком в лицо, а так как у него в руке была золотая табакерка, то один из острых углов этой четырехугольной табакерки ранил императора под левым глазом».

Согласно Цшокке, убийцами царя были Яшвиль и Татаринов. Автор же *Notice* первым поднявшим руку на царя называет Николая Зубо-

ва. Ланжерон объединяет обе эти версии в одну.

Ланжерон мстил Александру I?

– Однако самое важное заимствование из *Notice*, творчески развитое Ланжероном, состояло в следующем. Анонимный автор писал, что Пален настроил Павла против Александра, чтобы привлечь наследника к заговору. Павлу Пален заявил, что не может ручаться за его жизнь, если царь не даст ему указа об аресте сына. Получив такой документ,

Пален показал его Александру и предложил ему добиваться отречения отца. Глава заговора дал клятву Александру, что на жизнь Павла покушаться не будут, тем самым обманув наслед-

ДОСЬЕ

Александр Федорович де Ланжерон (1763–1831). Потомок старинного аристократического рода Франции (Луи-Александр Андре де Ланжерон). Масон. В 1780-х воевал в Новом Свете на стороне американцев. После Великой Французской революции покинул свою страну и в 1790-м (при Екатерине II) поступил на службу в России в том же чине (полковник). Участвовал в войнах со Швецией, Турцией, показав себя храбрым офицером. Был не раз награжден. Дослужился до генерал-лейтенанта.

В 1799-м принял российское подданство и возведен Павлом I в графское достоинство.

никса. Царь заговорил с Паленом о заговоре, и военный губернатор признался, что сам в нем состоит, чтобы держать нити в своих руках.

Совершенно очевидно, эти положения *Notice* стали отправной точкой для творческого воображения Ланжерона. Писатель и драматург, он сочинил, как Пален, подлинный сын Маккиавелли, настоящий гений интриги, с потрясающей откровенностью и невероятным цинизмом раскрыл ему мотивы собственного двоедушного поведения и описал свои скровенные планы, конечной целью которых было заранее спланированное цареубийство.

В общем, при внимательном прочтении бросаются в глаза не только неувязки, но и тенденциозность записок. В рассказе Палена автор составил обвинительный акт против императора Александра I и полностью обелил Константина, противопоставив его старшему брату.

Не исключено, что таким образом граф мстил Александру I, который трижды подвергал его опале.

■ **Записала Елена Скворцова**